

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ¹

© 2015 г. Георгий Михайлович Вельяминов²

Аннотация: международное право состоит из объективного права (относительно малочисленные и универсально четко некодифицированные международные обычно-правовые нормы и принципы) и из основной массы субъективного права (договорные, конвенционные нормы). В отсутствие универсального государственно подобногo аппарата принуждения соблюдение международного права реально обеспечивается индивидуально или коллективно самими государствами-правопользователями. По сути, правовой смысл любого международного договора – это претворение договорных норм и правил посредством, в частности, их рецепции (трансформации) во внутринациональные в качестве правовых акций договаривающихся государств и их исполнения с использованием национального правового инструментария. Международное право недействительно вне имманентной связи и опоры на национальные правовые порядки.

Annotation: International objective law (“lex”, “law”, “loi”) is composed of legal customs, really not abundant and mostly uncoded universally. The real mass of inter-state subjective legal rules (“jus”, “right”, “droit”) is in treaties. There is no any single state-like authority in the World and no any international legally imperative instrument to regulate inter-state responsibilities. Thus each sovereign state discharges its obligations and responsibilities on its own or may be collectively. As to conventional (treaty) rules there is a special legal way of so-called reception or transformation to convert international rules into national ones. It is necessary because any legal rules are practically performed and secured by national executives. The legal aim of any treaty is in fact to produce certain changes in national legal systems or – on the contrary – leave it immutable. From law-making point of view the practical effect of intra-national legislation or of international agreements is the same. The difference is in individual or collective rule-producing activity. International law nowadays as ever is ineffective if disconnected from national legal systems. The tie is immanent.

Ключевые слова: право объективное и право субъективное; рецепция (трансформация) международно-правовых норм; автономность реципированных норм; имманентность связи международного и национальных систем права.

Key words: objective law and subjective rights, reception (transformation) of international law rules, autonomy of received rules, immanent connection between International law and National law systems.

1. Понятие права и его компоненты

Анализ корреляции феноменов национального и международного права требует предварительного определения понятий самих соотносимых феноменов и их компонентов.

Право – социальный феномен, имеющий целью обеспечение общественного порядка властной силой в пределах ее юрисдикционной компетенции посредством установления и соблюдения определенных норм поведения людей, их коллективов и самой власти в интересах как власти, так и социума в целом.

Лапидарно феномен права, как таковой, можно определить как *устанавливаемый и обеспечиваемый властью порядок общественных отношений*. Это определение применимо в принципе и к международному праву, ибо соответ-

ствующий правовой порядок в международных общественных отношениях также устанавливается властями (согласованно) и обеспечивается властями же индивидуально или согласованно-коллективно.

Разумеется, в теоретическом юридико-техническом аспекте подлежат дополнительному определению понятия: власть; общественные, в том числе международные, отношения; субъекты этих (право)отношений; юрисдикция и ее территориальное пространство; норма права; субъективное и объективное право; публичное и частное право и правоотношения и т.п.

Источник права не есть классовая или государственная воля (согласно бытующей отечественной доктрине), поскольку, во-первых, воля является сугубо психологической индивидуальной функцией именно только человека и реально не может быть коллективной, а во-вторых, воля не самопроизвольна и не самоисполнима. Импульсом для возникновения воли и ее волеизъявления служит определенный *интерес*³.

В аналитическом аспекте идеальным примером воли в чистом виде, причем как бы являющейся источником права, может послужить исторический феномен полновластного диктатора Сталина (имевшие место псевдодемократические

¹ Настоящая статья представляет собой продолжение теоретических изысканий автора, нашедших отражение, в частности, в его статьях: Вельяминов Г.М. К вопросу о понятии состава права как сочетания объективного и субъективного права // Гос. и право. 2014. № 2; *Его же*. К вопросу о понятиях государства, власти и суверенитета // Там же. 2014. № 4.

² Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, постоянный арбитр Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ, доктор юридических наук, профессор (E-mail: nn1962@yandex.ru).

³ См.: Вельяминов Г.М. К вопросу о понятии состава права как сочетания объективного и субъективного права.

* * *

декорации его диктатуры представляли собой не более чем прозрачный камуфляж). Волевые же решения и указания вождя неукоснительно претворялись в законы. Однако при этом следует принимать во внимание:

во-первых, Сталин при всем его чуть ли не обожествлении был человеком, индивидом. И если не вставать на путь виртуальной метафизики и политической риторики, воля его во всей ее естественности была волей именно индивида, причем отнюдь не олицетворявшей собой “воли” господствующего класса, или якобы всего народа, или государства и т.п., хотя бы уже в силу психофизического, **индивидуализированного** качества, присущего воле;

во-вторых, Сталин-индивид, по сути, представлял собой высшую реальную власть в государстве. И секрет в том, что его индивидуальная воля была фактически **властной** волей;

в-третьих, воля по природе своей не самоисполнима. Для придания праву, продиктованному властной волей, действительности и исполнимости требуется **сила**. И Сталин пользовался практически неограниченно подконтрольными ему силовыми инструментами вплоть до массового террора. Решающим фактором утверждения и соблюдения права является не столько властная воля, сколько **властная сила**. И если воля – виртуально имплицитна, сила – реально эксплицитна;

наконец, *в-четвертых, и главных*, любая воля не самопроизводна, не возникает на пустом месте, но нормально всегда имеет резонный психофизический источник – **интерес** (у Сталина, например, капитальный интерес, похоже, заключался в сохранении самой своей личной власти).

В отличие от строгой индивидуальности воли, интерес⁴ вполне может быть как индивидуальным, так и обыкновенно-коллективным (клановым, корпоративным, семейным, партийным, классовым, государственным, межгосударственным и т.п.). Изначально коренным источником, в частности, права являются именно индивидуальные или коллективные интересы, проводимые в жизнь волею индивидов во власти с применением ими государственной силы. Разумеется, “качество” права как эманации власти прямо зависит от “качества” самой власти, которая по форме может быть: тиранической, олигархической, аристократической, демократической, часто смешанной, но по сути всегда останется *заинтересованно* ангажированной.

Следует между тем подчеркнуть, что в огромном большинстве случаев отдельные “воли” и волеизъявления вообще по жизни отнюдь не имеют какой-либо правотворческой направленности. Столь же относительно отнюдь не повседневны и “стартовые” интересы, побуждающие к правотворчеству. При всей важности роли права как социального регулятора не следует, однако, фетишизировать эту роль, что наблюдается как раз в наиболее так называемых “развитых” государствах и особо кажется гипертрофированным в США. Гораздо как бы гуманнее и естественнее соответствующая роль видится присущей морали, которая за последний век – причем преимущественно именно в этих самых “развитых” странах и параллельно с религией – наглядно уступает свою нравственно-воспитательную роль праву. Прогресс это или регресс? Покажет будущее.

Право в системном смысле неоднородно. Это, во-первых, – право в *объективном* смысле (*lex, law, loi*), т.е. совокупность устанавливаемых и обеспечиваемых властной силой норм поведения (*norma agenda*). И, во-вторых, это – право (точнее, *правá*) в *субъективном* смысле (*jus, right, droit*), т.е. возникающие между правовыми субъектами реальные правоотношения – *jus agendi* (права и обязанности), подпадающие под регулирование нормами объективного права. Субъективные *правовые* отношения юридически возможны лишь при наличии соответствующих регулирующих эти отношения норм объективного права. В то же время нормы объективного права безжизненны в отсутствие субъективных правоотношений. Связь объективного и субъективного права имманентна.

Кроме деления права на объективное и субъективное существует **деление права на публичное и частное** (и то, и другое могут быть и объективным, и субъективным). Как определялось еще классиками римского права (Ульпиан), публичное право – то, которое имеет в виду обеспечение пользы (интереса) государства, частное же – обеспечение пользы (интересов) отдельных личностей.

2. Особенности международного права

Международное право имеет три принципиальные особенности, в отличие от любого национального права:

1) международное право – принципиально публичное. Оно призвано согласовывать и регулировать именно государственные (точнее, межгосударственные) публичные интересы;

2) в мире нет единой суверенной властной силы, которая, в отличие от отдельных государств, обеспечивала бы установление и соблюдение обязательного объективного международного права;

3) в отличие от внутригосударственных правовых систем, включающих всеобъемлющий корпус объективного права, международное объективное право хотя и распространяется на все сообщество государств, но реально сводится к а) “международному обычаю как доказательству всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы”, а также к б) “общим принципам права, признанным цивилизованными странами”⁵. Субъективное же международное право, выражающееся в международных договорах, распространяется лишь на государства – стороны соответствующих договоров.

Нельзя не отметить сразу же рыхлость и простор для самых разных толкований (кем? В лучшем случае, очевидно, судом по каждому конкретному казусу) понимания обычая как “признанного в качестве правовой нормы”. Еще более неопределенны, ничем и никем авторитетно не кодифицированы общие принципы права так называемых цивилизованных стран – квалификация ныне вообще, очевидно, “неполиткорректная”.

Отсутствие единой надгосударственной власти, а также логически и соответствующее этому отсутствие полноценной обязательной системы *объективного* международного права являются капитальной причиной слабости, подверженности “двойным стандартам” толкования в применении

⁴ Концепция “интереса” как источника права родственна так называемой социологической школе (Р. Иеринг и др.).

⁵ См.: ст. 38 Статута Международного Суда (см.: Действующее международное право. Т. I. С. 805).

имеющегося, причем “малокровного” и малоэффективного, объективного международного права.

Чем же действительно прагматически предлагается руководствоваться международным судам и другим заинтересованным? В Статуте Международного Суда ООН говорится прежде всего о “международных конвенциях, как общих, так и специальных, устанавливающих правила, определенно признанные спорящими государствами”⁶. Иначе говоря, речь идет о нормах *субъективного* (договорного, конвенционного) права, причем применимых исключительно к спорящим государствам.

Регулирование международных отношений реально и осуществляется конвенционно, т.е. *субъективным* правом. Но при этом, в отличие от любой системы национального права, в которой субъективные права зиждутся на прочной базе объективного права, у субъективных (конвенционных) норм международного права отсутствует, как уже отмечалось, солидная опора в виде надежно облигаторного объективного права.

Такое отсутствие строго “санкционной” базы обеспечения ответственности государств за исполнение ими своих международно-правовых обязательств, увы, можно сказать, “концептуально” для международного права. Попытка в течение почти полувека выработать под эгидой ООН международную конвенцию об ответственности государств окончилась фактически фиаско принятием всего лишь Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 22 декабря 2001 г. с рекомендательным проектом статей⁷ на тему ответственности государств.

Исполнение согласованных условий международного договора формально осуществляется на практике исключительно государствами-участниками, как таковыми, посредством соответствующих *внутригосударственных* правовых и иных акций (или воздержания от акций), и, таким образом, можно говорить, что фактически коллективно согласованные (на двустороннем или многостороннем уровнях) меры формально-юридически отличаются от мер, применяемых государством самостоятельно в рамках своей внутринациональной компетенции, только тем, что договорно обусловленные меры были согласованы с другим (другими) государством. Международный договор, таким образом, может трактоваться как своего рода особый инструмент осуществления государством своей принципиально суверенной правотворческой (или просто творческой) деятельности в своем юрисдикционном поле, но по согласованию с другими государствами. Особо наглядна соответствующая роль международного договора как по сути субститута индивидуального правотворчества государств-участников, наблюдаемая в процессе так называемой международно-правовой унификации⁸.

3. Международное и национальное право как имманентное единство⁹

Системы национального права и международного права не разделены и *не могут быть разделены* непроницаемой стеной. Напротив, они имманентно взаимосвязаны. Если национальная правовая система, как доказывает исторический опыт, вполне может быть самодостаточной, то международное право немислимо вне связей с национальным правом государств – субъектов и творцов международного права.

Практически международное публичное право, его нормы находят свое реальное применение и выражение в конечном итоге посредством трансформирования в национальное право отдельных государств. Это касается и обычно-правовых, и конвенционных норм. Но если общие принципы права могут применяться в национальном правовом порядке в качестве обычно-правовых и без их законодательного закрепления, то конвенционные нормы и принципы международного права по существу не могут осуществляться государством иначе, как будучи эксплицитно переведенными в национальный формат.

Предмет регулирования международного публичного права – это в реальности либо определенные изменения, либо неизменность действующего внутреннего правового порядка договаривающихся (согласовывающих свои интересы) государств. Согласовываемые изменения при этом могут относиться к самым разнообразным сферам внутринационального правового регулирования.

Например, международный мирный договор, включающий территориальные изменения, требует для своего осуществления трансформации во внутринациональные правовые компетенции государств и т.п. Международные конвенционные запреты на смертную казнь; многообразные разрабатываемые в рамках Международной организации труда единые правила и условия охраны труда; договоренности об условиях либерализации взаимной торговли или такие международные конвенционные нормы, которые, к примеру, запрещают производство боевых отравляющих газов, и т.п., – во всех такого рода и других случаях соответствующие международные соглашения формально-юридически предполагают от стран-участниц прежде всего именно изменения (полнения, исправления и т.п.) или, наоборот, неизменности соответствующего внутринационального правового режима договаривающихся государств. Международные договоры по существу – это договоры об изменениях или стабилизации национальных правовых порядков.

Аргументом в пользу концептуального понимания международного (прежде всего субъективного, т.е. конвенционного) права в качестве метода коллективного государственного правотворчества, ориентированного реально на внутригосударственное исполнение и применение, может, на наш взгляд, теоретически служить именно специфический феномен превращения *субъективных* международных договорно-правовых норм посредством их трансформации (рецепции) в *объективное* национальное право договаривающихся государств.

⁶ Там же.

⁷ См.: Вельяминов Г.М. Ответственность государств // Гос. и право. 2012. № 7.

⁸ См. подробнее: Вилкова Н.Г. Договорное право в международном обороте. М., 2002. С. 12–272; Вельяминов Г.М. Международное экономическое право и процесс. М., 2004. С. 276–299.

⁹ Проблема соотношения национального и международного права давно является предметом внимания множества юристов, в том числе: Л.П. Ануфриевой, И.П. Блищенко, Я. Броунли, В.Г. Буткевича, А.С. Гавердовского, В.В. Гаврилова, Дж. Джексона, Б.Л. Зименко, Г.В. Игнатенко, Х. Кельзена, Д.Б. Левина, И.И. Лукашука, С.Ю. Марочкина, Н.В. Миронова, Р.А. Мюллерсона, О.И. Тиунова, Х. Трипелья, Е.Т. Усенко, С.В. Черниченко и многих других.

Фактически основной корпус международного права – субъективное право, и при этом у *каждого государства свое собственное конвенционно-государственное международное право*, т.е. комплекс международных конвенций, договоров, действующих для данного государства. Общее же, применимое для *всех* государств *объективное право* (некодифицированные общие принципы права и обычно-правовые принципы и нормы международного права), увы, оказывается второстепенным, так как не обеспечивается единой общемировой властной силой, отличается толкованием с применением так называемых двойных стандартов и, главное, нередко подменяется прямой силой, хотя обычно и камуфлируемой псевдоправовым орнаментом. Поэтому нет оснований утверждать, что международное право соблюдается более скрупулезно, чем обычно-национальное, а также говорить о примате международного права.

Вывод. Любые как национальные, так и международные нормы права принимаются, устанавливаются и обеспечиваются властной силой конкретных суверенных государств, а реально применяются в конечном итоге соответствующими субъектами права этих государств. Разница состоит в методах

(формах) нормоустановления (правотворчества): правовые нормы принимаются либо “единолично” тем или иным суверенным государством на основе своего конституционного строя (и являются национальными нормами), либо в результате коллективного межгосударственного сотрудничества, согласия (и являются международно-правовыми нормами). Причем и в этом случае государства действуют согласно своим соответствующим конституционным установлениям, в рамках которых международно-правовые нормы реципируются (трансформируются), возможно с оговорками и изменениями, для применения в конечном счете национальными субъектами права соответствующих сотрудничающих государств.

Принципиально отличительным свойством правовых норм, которые были рецепированы из международных договоров и действуют в национальных правовых системах стран – участниц данных договоров, является **автономность** таких норм в национальных правовых системах. Коль скоро они изначально были согласованы и приняты коллективно-договорно, они могут и изменяться или отменяться также лишь коллективно, но не индивидуально-властной силой отдельных стран – участниц договоров.